

КАК ЭТО БЫЛО

Военный Ярославль глазами мальчишки

Евгений Алексеевич Тюрин – известный и уважаемый в Ярославле человек. За свой труд на ТЭЦ-1 он имеет звание «Заслуженный энергетик Министерства топлива и энергетики Российской Федерации», орден Дружбы народов и Почетный знак города Ярославля I степени. Он коренной ярославец, и его детство пришлось на военные годы. Слово Евгению Тюрину

Войну я видел глазами мальчишки. Мы жили с мамой и сестренкой на Которосльской набережной, в стареньком двухэтажном домике рядом с гостиницей «Юбилейная».

Ярославская область очень быстро оказалась на военном положении. Первую воздушную тревогу мы пережили в августе 1941 года. Помню, как бежали с Советской площади к дому, как нас останавливали дежурные, как мы прятались под аркой на улице Кирова. Так для нас началась война.

Был период, когда практически был отключен свет и город сидел в темноте, весь серый, покрашенный защитной краской, стекла были переклеены лентами. Мы с сестренкой помогали матери эти ленты клеить.

Серьезные бомбежки продолжались до 1943 года. Мы с мамой укрывались в бомбоубежищах. Было страшно, от падения бомб сотрясалась земля. Но у всех ребятшек была традиция, после бомбового налета бежать по округе и собирать осколки. И вот однажды

мы побежали по Большой Октябрьской в сторону улицы Чайковского, чтобы набрать этих осколков, а там – сплошное пожарище. От Большой Октябрьской до улицы Свободы горел весь квартал. Как нам потом сказали, зенитки не допустили фашистские самолеты к комплексу шинного завода, они побросали бомбы на центр города.

Взрослые, оставшиеся в городе, работали на заводах по 12 часов без выходных. Все ребята в 13 – 14 лет уже работали, мне на конец войны было 9 лет.

Я должен был учиться в 33-й школе, а сестренка в 43-й, но там были развернуты госпитали. Поэтому она ходила в немецкую кирху, а я – на Республиканскую, где сейчас станция юных техников. Когда меня приняли в школу, моя сестра закончила четвертый класс. Родители никогда нас не встречали и не провожали. Но всем детям оказывалась максимально возможная поддержка. У нас были завтраки – кусочек хлеба или половинка маленькой булочки. Очень часто делали прививки, не очень мы их любили, но в течение года три-четыре укола получали.

Ярославль был наводнен военными. Я помню, как в 1944 году, когда немцев уже отогнали, у нас на квартировании находились военные. Было много раненых. Помню, госпитали были во Дворце пионеров, в пединституте на Большой Октябрьской, на Красной площа-

ди, в здании бывшего технологического института. Нам тогда казалось, что это взрослые, но это были совсем молодые ребята. В халатах, в кальсонках, где сейчас станция около этих госпиталей. Запомнилось, что они были очень позитивными и веселыми. Однажды на Которосли мы видели большую лодку, битком набитую ранеными. У кого-то ноги перевязаны, у кого-то головы, но все смеются и поют песни. Многие после выздоровления уходили обратно на фронт.

В 1945 году, когда война уже подходила к концу, после взятия городов по вечерам стали стрелять из ракетниц. На Советской площади устраивали концерты художественной самодеятельности. У здания областной думы выстраивался взвод и палил из ракетниц по случаю победы.

Конечно, я помню 9 мая 1945 года, когда по радио нам объявили, что кончилась война. Рано

утром я бежал на Советскую площадь и ждал митинга. Рядом со мной на перекрестке улиц Крестынской (сейчас это ул. Андропова) и Кирова стояла женщина и громко плакала. Весь город радовался, а у нее была большая беда, она получила похоронки...

В городах, переживших войну, надо обязательно увековечить эту память. Поэтому присвоение Ярославлю статуса «Город трудовой доблести» очень важно. 26 регионов в первые часы войны были объявлены на военном положении, в том числе и Ярославская область. Из этого списка только четыре – Ярославль, Рязань, Иваново и Вологда – до сих пор не удостоены воинских званий. А ведь эти регионы были тыловой опорой, вся промышленность была переведена на военные рельсы и оказывала неоценимую поддержку фронту.

Светлана АНТУФЬЕВА

ПОИСКОВИКИ

Очередной выезд отряда состоялся в Тутаевский район, где 2 октября 1941 года потерпел крушение советский бомбардировщик. Трагедия перестала быть просто «легендой о самолете», приобрела реальные очертания, в ней появились имена и судьбы.

Итак, согласно архивным сводкам произошел пожар в воздухе. Летчик старший лейтенант Николай Щетенко, штурман лейтенант Максим Алексеев и воздушный стрелок старший сержант Мельник прыгнули на парашютах, а младший сержант Глизнуца погиб. Как следует из объяснительной Щетенко командир 53 ДБАП от 5.10.41, в 20 часов 40 минут экипаж получил задание нанести удар по скоплению танков и пехоте противника в районе Дорогобуж Смоленской области. Документ гласит: «В 21.55 самолет взлетел, моторы работали нормально. Пройдя по курсу 40 минут, в левом моторе упало давление, я обратил внимание на температуру масла, она стала расти и через 15 минут достигла 150 градусов, температура головок цилиндров дошла до отказа. Я штурману дал прика-

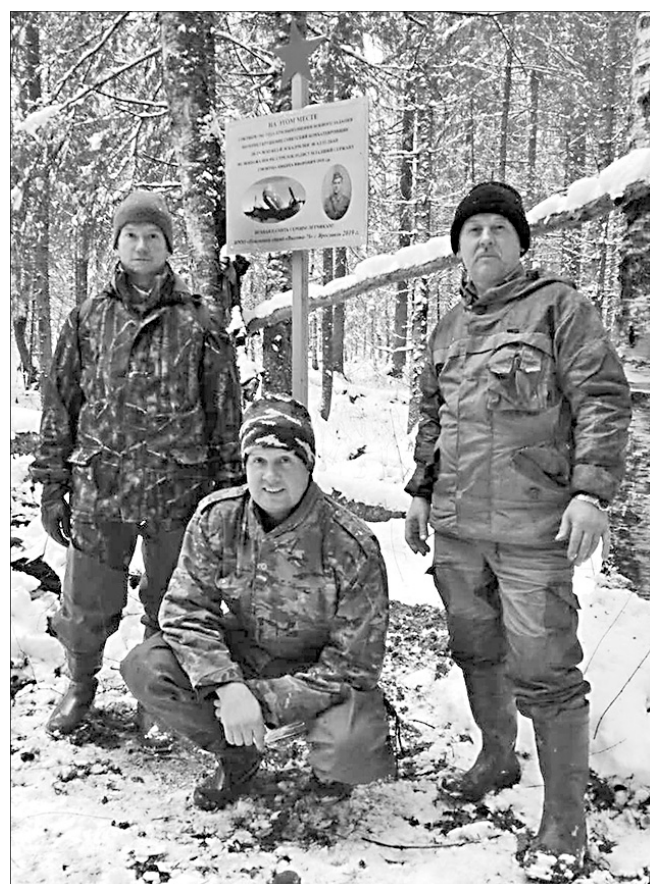
Загадка бомбардировщика

Проект «Между небом и землей» поискового отряда «Высота-76» включает в себя составление электронного маршрута по местам падений самолетов с описанием истории их экипажей. Перед вами одна из них

зание: будем идти домой ввиду неисправности двигателя. Радисту приказал запросить прожекторы и пеленг. На обратном курсе мотор стал давать резкие перебои в работе, после чего я набрал высоту 800 метров и из-под капота левого мотора заметил пламя. Мотор загорелся. Я принял решение выбросить экипаж на парашютах. Штурман выпрыгнул. Решил проверить радистов, приняли ли они мое приказание, ответа не последовало. Я решил, что Глизнуца и Мельник меня поняли. Я использовал все противопожарные мероприятия, но ничего с мотором сделать не смог. Выбросился с парашютом с высоты 200 – 300 метров. Самолет взорвался, не долетев до земли метров 50. При падении последовал второй взрыв, взорвались бомбы. Я приземлился на верхушки деревьев и ушиб правую ногу. Лейтенант Алексе-

ев также повис на дереве, ушиб спину, старший сержант Мельник невредим. Младший сержант Глизнуца погиб. Тело Глизнуцы поручено похоронить местным властям в деревне Бурмаши Арефинского района».

Как следует из рапорта воентехника 1-го ранга Сергеева, самолет упал в лесу, на месте его падения образовалась воронка шесть метров глубиной и 12 метров в диаметре. Из разговоров местных жителей поисковики выяснили, что останки радиста в деревню Арефино привез молодой мужчина. Все, что удалось собрать после падения самолета, это кисть руки и фрагмент ноги. В память одного из старожилов деревни врезалось, что на оторванной ноге Глизнуцы был шерстяной носок. Привезший фрагменты тела мужчины и похоронил Глизнуцу на местном кладбище в селе Спас-Ухра Арефинского сельско-

го поселения Рыбинского района. Выбрал место рядом с храмом, не оставив никакой таблички.

До 1970 года эта могила так и оставалась безымянным холмиком, а затем на ней появилось каменное надгробие, но... с другой фамилией. В 2015 году памятник заменили на новый – с изображением самолета, при этом имя по-

гибшего Глизнуцы на нем вновь не значилось. Между тем поисковики уверены, что в деревне Спас-Ухра покоятся фрагменты тела именно Глизнуцы. Один из очевидцев вспоминает: «Самолет летел в 11 вечера, мы были на улице, сразу поняли, что с ним что-то не так. Потом от взрыва у нас все окна повывлетали. Помню, один из лет-

чиков приземлился на дерево и сломал ногу. К нам в дом пришел командир с упавшего самолета, с отцом разговаривал. Говорил, что радист Глизнуца сидел на ключе и передавал до конца. Помню еще, нога валялась оторванная в унте и кисть. А череп мы нашли только года через два, в черничнике. Мы туда постоянно за ягодами ходили, пацаны были еще, увидели, испугались и там его и оставили. Я пилотку нашел там, долго в ней ходил по деревне, много там всего лежало, три парашюта помню, патроны с гильзами от пулемета, много всего». Имеются и воспоминания некоей бабы Клавды, возраст которой шел уже за 90. Она подтвердила, что слышала разговоры об упавшем самолете, о том, что один летчик погиб, его похоронили в Спас-Ухре. И, самое главное, она уверена, что за весь период войны никаких самолетов в их местах больше не падало, а значит, в могиле захоронен именно Глизнуца.

Точку в этом запутанном вопросе может поставить только эксгумация останков...

Анастасия СОЛОВЬЕВА